

Биоконституционализм как проявление адаптивного конституционализма: трансформация конституционных ценностей в условиях биотехнологических вызовов

Аннотация. В условиях стремительного развития биотехнологий, способных радикально изменять биологическую и когнитивную основу человеческого существования, возникает острая необходимость в формировании новой конституционно-правовой парадигмы, способной защитить антропологическое ядро правопорядка. Статья обосновывает концепцию биоконституционализма как специализированной формы адаптивного конституционализма, ориентированной на сохранение биологической целостности, когнитивной автономии и достоинства личности в эпоху, когда сама природа человека становится объектом технического конструирования. Показано, что традиционные конституционные ценности требуют онтологического переосмысления и расширения их содержания в ответ на вызовы генного редактирования, нейротехнологий, репродуктивных инноваций и коммерциализации генетических данных. Особое внимание уделяется герминальному редактированию генома, последствия которого носят необратимый и наследуемый характер, затрагивая права будущих поколений. В этом контексте предлагается трактовать геном человека как носитель его конституционной сущности, а любое несанкционированное вмешательство в него — как посягательство на человеческое достоинство. Автором вводится понятие когнитивной неприкосновенности — права на защиту мыслительных процессов от внешнего считывания, записи или модификации с помощью нейроинтерфейсов, что становится необходимым условием реализации свободы совести, слова и волеизъявления. Подчеркнуто, что биоконституционализм не выступает в роли запретительного механизма, ограничивающего научный прогресс, а устанавливает конституционные пределы биотехнологических вмешательств исходя из принципов межпоколенческой справедливости, недопустимости дегуманизации и приоритета биоэтических норм.

Ключевые слова: биоконституционализм; адаптивный конституционализм; конституционные ценности; генетическое редактирование; герминальное редактирование; генетическая неприкосновенность; когнитивная неприкосновенность; человеческое достоинство; биоэтика; биобезопасность

Для цитирования: Поярков С. Ю. Биоконституционализм как проявление адаптивного конституционализма: трансформация конституционных ценностей в условиях биотехнологических вызовов // Актуальные проблемы российского права. — 2026. — Т. 21. — № 9. — С. 28–41. — DOI: 10.17803/1994-1471.2026.190.9.028-041

© Поярков С. Ю., 2026

* Поярков Сергей Юрьевич, кандидат педагогических наук, ученый секретарь Федерального государственного унитарного предприятия «Всероссийский научно-исследовательский институт физико-технических и радиотехнических измерений» (ФГУП «ВНИИФТРИ») раб. пос. Менделеево, промзона «ВНИИФТРИ», г. Солнечногорск, Московская обл., Российская Федерация, 141570 psu70@bk.ru

Bioconstitutionalism as a Manifestation of Adaptive Constitutionalism: The Transformation of Constitutional Values under conditions of Biotechnological Challenges

Sergei Yu. Poyarkov, Cand. Sci. (Pedagogy), Academic Secretary, Federal State Unitary Enterprise
«All-Russian Research Institute for Physical-Technical and Radio Engineering Measurements»
(VNIIFTRI), Solnechnogorsk, Moscow Region, Russian Federation
psu70@bk.ru

Abstract. In the context of the rapid development of biotechnologies capable of radically transforming the biological and cognitive foundations of human existence, there is an urgent need to develop a new constitutional law paradigm capable of safeguarding the anthropological core of the legal order. The study substantiates the concept of bioconstitutionalism as a specialized form of adaptive constitutionalism aimed at preserving biological integrity, cognitive autonomy, and human dignity in an era when human nature itself has become an object of technological design. The paper demonstrates that traditional constitutional values require ontological reconsideration and an expansion of their substantive scope in response to the challenges posed by gene editing, neurotechnologies, reproductive innovations, and the commercialization of genetic data. Particular attention is paid to germline genome editing, the consequences of which are irreversible and heritable and affect the rights of future generations. In this context, the human genome is conceptualized as a bearer of a person's constitutional identity, while any unauthorized intervention is regarded as an infringement of human dignity. The author introduces the concept of cognitive integrity, defined as the right to protect one's mental processes from external reading, recording, or modification through neural interfaces. Such protection is becoming a necessary condition for the exercise of freedom of conscience, freedom of expression, and freedom of will. The article emphasizes that bioconstitutionalism is not a prohibitive mechanism intended to restrict scientific progress; rather, it establishes constitutional limits on biotechnological interventions on the basis of the principles of intergenerational justice, the prohibition of dehumanization, and the primacy of bioethical norms.

Keywords: bioconstitutionalism; adaptive constitutionalism; constitutional values; genetic editing; germinal editing; genetic integrity; cognitive integrity; human dignity; bioethics; biosecurity

Cite as: Poyarkov SYu. Bioconstitutionalism as a Manifestation of Adaptive Constitutionalism: The Transformation of Constitutional Values under conditions of Biotechnological Challenges. Aktual'nye problemy rossijskogo prava. 2026;21(9):28-41. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2026.190.9.028-041

Введение

Современное развитие биотехнологий, характеризующееся беспрецедентной скоростью и глубиной вмешательства в биологическую основу человеческого существования, формирует новый класс правовых вызовов, которые не могут быть адекватно осмыслены в рамках традиционных конституционно-правовых доктрин. Технологии геномного редактирования, такие как CRISPR-Cas9, позволяют не просто корректировать генетические дефекты, но и потенциально конструировать наследуемые признаки, что ста-

вит под сомнение саму идею естественной, не подлежащей техническому конструированию, человеческой природы. Этот процесс выходит далеко за пределы медицинской этики и становится вопросом конституционного порядка, поскольку затрагивает ядро антропологического фундамента права. В России эта проблематика приобретает особую остроту в свете публичных заявлений отдельных ученых о намерении проводить герминальное редактирование эмбрионов, например для коррекции генетической глухоты¹, что демонстрирует разрыв между быстрым технологическим прогрессом и отсут-

¹ Cohen J. Embattled Russian scientist sharpens plans to create gene-edited babies // Science. 2023. URL: <https://www.science.org/content/article/embattled-russian-scientist-sharpens-plans-create-gene-edited-babies> (дата обращения: 05.04.2025).

ствием четкой нормативной и конституционной рамки.

В этих условиях конституционное право, как система, призванная защищать неотчуждаемые права и свободы человека, сталкивается с необходимостью радикального переосмысления своих ключевых категорий. Понятие человеческого достоинства, закрепленное в ст. 21 Конституции РФ² как абсолютная ценность, требует конкретизации в контексте генетических вмешательств: может ли достоинство человека быть умалено не только посредством унижения или насилия, но и через несанкционированное изменение его генома, особенно в герминальной линии, когда последствия затрагивают не только индивида, но и его потомков? Аналогичным образом право на жизнь (ст. 20 Конституции РФ) перестает быть однозначной категорией, когда речь заходит о статусе эмбриона, созданного *in vitro*, или о возможности искусственного продления жизни с помощью биотехнологических имплантов.

Эти трансформации обуславливают необходимость формирования нового теоретического подхода, способного обеспечить устойчивость конституционного порядка в условиях биотехнологической неопределенности. Такой подход, обозначаемый как биоконституционализм, пока не получил систематического теоретического обоснования ни в российской, ни в мировой юридической науке. Хотя отдельные элементы этой проблематики затрагиваются в работах И. А. Кравца, который вводит понятия «бионейроконституционализма» и «конституционной биоюриспруденции»³, его исследования носят преимущественно программный характер

и не предлагают исчерпывающей модели институциональной и доктринальной адаптации. В зарубежной литературе концепция «биоконституционализма» (bioconstitutionalism) также находится в стадии становления, часто сводясь к анализу отдельных правовых режимов регулирования биотехнологий без увязки с фундаментальными принципами конституционализма⁴.

В этой связи научная новизна настоящего исследования заключается в предложении оригинальной концептуализации биоконституционализма не как внешнего регулятора биотехнологий, а как внутреннего, имманентного свойства адаптивного конституционализма. Адаптивный конституционализм, как отмечает ряд исследователей, представляет собой парадигму, способную обеспечивать гибкость конституционного порядка без ущерба для его основополагающих принципов⁵. Биоконституционализм — его специфическое проявление, ориентированное на антропологические вызовы. Он предполагает не статичное применение конституционных норм, а их динамическую эволюцию через механизмы интерпретации, судебного прецедента и диалога между ветвями власти, с целью защиты конституционной сущности человека в условиях, когда эта сущность становится объектом технического конструирования.

Целью статьи является выявление сущности биоконституционализма как проявления адаптивного конституционализма и определение путей трансформации конституционных ценностей под влиянием биотехнологий. Для достижения этой цели необходимо решить комплекс взаимосвязанных задач. Первая задача — определить теоретические основы адаптивного консти-

² Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных в 2020 г.) // СЗ РФ. 2022. № 40. Ст. 6013. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202210060013> (дата обращения: 05.04.2025).

³ Кравец И. А. Бионейроконституционализм и достоинство: теоретические основания, диалог этико-правовых требований и перспективы взаимодействия (ч. II) // Журнал российского права. 2022. Т. 26. № 6. С. 5–31; Он же. Конституционная биоюриспруденция и достижение биоэтического благополучия (ч. 1) // Сравнительное конституционное обозрение. 2022. № 2 (147). С. 16–42.

⁴ Jasanoff S. (ed.). Reframing Rights: Bioconstitutionalism in the Genetic Age. Cambridge: MIT Press, 2011. 320 p.

⁵ Пояров С. Ю. Адаптивный конституционализм: концептуальные основания и институциональные механизмы в условиях политико-правовой турбулентности // Административное и муниципальное право. 2025. № 3. С. 67–85.

туционализма, включая его методологические установки, пределы гибкости и институциональные механизмы реализации. Вторая задача — проанализировать специфику биотехнологических вызовов для конституционного порядка, выделив их правовую природу и степень угрозы основным конституционным ценностям. Третья задача — выявить конкретные механизмы трансформации ключевых конституционных ценностей, таких как человеческое достоинство, право на жизнь, личная неприкосновенность и свобода идентичности. Наконец, четвертая задача — предложить концептуальную модель биоконституционализма и обозначить ее практическое значение для российской правовой системы.

Решение этих задач невозможно без обращения к эмпирической основе, включающей как нормативные акты, так и судебную практику. Важнейшую роль играет позиция Конституционного Суда РФ, который в своих недавних решениях демонстрирует готовность адаптировать конституционные нормы к новым реалиям. Так, в постановлении от 11.02.2025 Суд признал право детей, зачатых после смерти родителя с использованием вспомогательных репродуктивных технологий, на страховую пенсию по потере кормильца, тем самым подтвердив, что биомедицинские технологии являются легитимным способом реализации конституционного права на семью и продолжение рода⁶. Это решение является ярким примером адаптивного подхода, при котором конституционные гарантии распространяются на новые, ранее не существовавшие социальные факты. Однако в других сферах, например в области генетического редактирования, правовая неопределенность сохраняется. Россия подписала, но так и не ратифицировала Овьедскую конвенцию о правах человека и биомедицине (ETS № 164), которая устанавливает

четкий запрет на вмешательства в геном человека, если они не направлены на терапевтические цели и могут сделать изменения наследуемыми (ст. 13)⁷. Отсутствие ратификации этого ключевого международного акта создает правовой вакуум, который не позволяет эффективно регулировать наиболее рискованные направления биотехнологий. В этих условиях роль Конституционного Суда РФ как «арбитра» конституционных ценностей становится особенно важной. Его правовая позиция, основанная на том, что человеческое достоинство является «ядром» всей конституционной системы, может и должна быть транслирована на сферу биотехнологий для выработки конституционных пределов научного эксперимента. Таким образом, исследование биоконституционализма представляет собой не абстрактное теоретическое упражнение, а насущную потребность в создании правового инструментария, способного защитить человека как носителя неотчуждаемых прав в эпоху, когда его биологическая основа становится полем для технологических инноваций.

Адаптивный конституционализм как теоретическая основа эволюции конституционного порядка

Адаптивный конституционализм представляет собой теоретико-правовую парадигму, в рамках которой конституция понимается не как статичный, замкнутый в себе нормативный акт, а как динамическая система, способная к внутренней эволюции под воздействием социальных, технологических и экзистенциальных трансформаций. Эта парадигма знаменует собой переход от классической модели «жесткой» конституции — ориентированной преимущественно на формальную стабильность и иерархию норм — к «гибкой» конституционной модели, в которой ключевую

⁶ Постановление Конституционного Суда РФ от 11.02.2025 № 6-П «По делу о проверке конституционности частей 1 и 3 статьи 10 Федерального закона “О страховых пенсиях” в связи с жалобой гражданки М. Ю. Щаниковой» // СЗ РФ. 2025. № 8. Ст. 1021. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_498341/ (дата обращения: 05.04.2025).

⁷ Конвенция о защите прав и достоинства человека в связи с применением достижений биологии и медицины: Конвенция о правах человека и биомедицине (Овьедо, 4 апреля 1997 г.) // URL: <https://rm.coe.int/168007d004> (дата обращения: 05.04.2025).

Основным институтом, обеспечивающим такую адаптацию, выступают конституционные (верховные) суды, чья роль выходит далеко за пределы формального контроля за соответствием нормативных актов конституции. В правоприменительной практике этих органов формируются новые конституционные смыслы, которые постепенно становятся неотъемлемой частью правовой системы. Например, Европейский Суд по правам человека в деле *Big Brother Watch and Others v. the United Kingdom*⁹ (2018) адаптировал понятие права на уважение частной жизни (ст. 8 ЕКПЧ) к реалиям массовой цифровой слежки, установив новые стандарты пропорциональности и судебного контроля. Эти примеры демонстрируют, что адаптация конституционного порядка происходит не столько через формальные изменения текста, сколько через эволюцию его интерпретации, что позволяет сохранять стабильность основного закона при одновременной его актуализации.

В сфере экологии адаптация проявляется в формировании «экологического измерения» права на жизнь и здоровье, в рамках которого государство обязано не только реагировать на экологические угрозы, но и предотвращать их, что выводит экологическую безопасность из сферы дискреционной политики в плоскость конституционного обязательства. Эти процессы реализуются через комплексные механизмы: динамическое толкование, целенаправленное использование конституционных поправок (как в случае с включением в Конституцию РФ в 2020 г. норм об экологическом благополучии — ст. 58 и 72), а также через так называемые конституционные диалоги — взаимодействие между законодательной, исполнительной и судебной ветвями власти, направленное на выработку согласованных подходов к новым вызовам.

¹⁰ Постановление Конституционного Суда РФ от 25.12.2020 № 49-П «По делу о проверке конституционности подпункта 3 пункта 5 постановления Губернатора Московской области “О введении в Московской области режима повышенной готовности...”» в связи с запросом Протвинского городского суда Московской области» // СЗ РФ. 2021. № 1. Ст. 12. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_372430/ (дата обращения: 05.04.2025).

Однако биотехнологические вызовы занимают особое место в этом ряду, поскольку они затрагивают не внешние условия человеческого существования, а его внутреннюю, биологическую основу. Если цифровизация изменяет способы коммуникации, а экологический кризис — условия обитания, то биотехнологии ставят под вопрос саму природу человека как носителя прав. Они формируют новую «границу человеческого», за которой начинается область потенциально конструируемого, модифицируемого и даже «дизайнерского» существа. Именно поэтому стандартные механизмы адаптации оказываются недостаточными. Простое расширение толкования существующих прав (например, права на неприкосновенность личности) не позволяет в полной мере охватить специфику рисков, связанных с герминальным редактированием, нейроинтерфейсами или коммерциализацией генетических данных. В отличие от цифровых или экологических угроз, биотехнологические вмешательства могут быть необратимыми и наследуемыми, затрагивая не только текущие, но и будущие поколения, чьи интересы не представлены в политическом процессе. Эта особенность требует формирования не просто адаптации, а специализированной адаптационной модели, ориентированной на антропологическую устойчивость конституционного порядка.

Такая модель и может быть обозначена как биоконституционализм. В отличие от общего адаптивного конституционализма, биоконституционализм фокусируется на защите «конституционной сущности человека» — совокупности неотчуждаемых характеристик, без которых человек перестает быть субъектом права. Эта сущность включает в себя не только правоспособность и дееспособность, но и «биологическую целостность» и достоинство личности¹¹, которая не может быть предметом технического конструирования без угрозы для всего конституционного строя. Биоконституционализм, таким образом, не отвергает адаптивный подход, но

специфицирует его, вводя дополнительные критерии легитимности биотехнологических вмешательств: необходимость сохранения человеческого достоинства как предела научной свободы, принцип недопустимости наследуемых изменений генома без международного консенсуса, а также приоритет прав будущих поколений. В этой связи биоконституционализм выступает не как альтернатива адаптивному конституционализму, а как его необходимое развитие в условиях антропологического кризиса, вызванного биотехнологическим прогрессом. Он обеспечивает ту самую «гибкость с пределами», которая позволяет конституционному порядку оставаться открытым для инноваций, но при этом защищенным от дегуманизации.

Биотехнологические вызовы как фактор трансформации конституционного порядка

Биотехнологические вызовы, воздействуя на саму биологическую основу человеческого существования, формируют новый класс правовых рисков, требующих систематической классификации для выработки адекватных конституционно-правовых ответов. Наиболее острым из них является генетическое редактирование, особенно в его герминальной форме, когда изменения вносятся в ДНК эмбриона и становятся наследуемыми. В отличие от соматического редактирования, направленного на лечение конкретного пациента и не затрагивающего потомство, герминальное вмешательство трансформирует генофонд человечества, ставя под сомнение принцип автономии будущих поколений, которые не могут дать согласие на такие изменения. Эта проблема приобрела глобальную остроту после эксперимента китайского ученого Хэ Цзянькуя в 2018 г., в результате которого на свет появились первые в мире генетически модифицированные дети¹². В России подобные исследования формально ограничены

¹¹ Крылатова И. Ю. Природа права на биоэтическое достоинство личности и его синтез в конструкции прав человека // Вестник Гуманитарного университета. 2024. Т. 12. № 1. С. 113–119.

¹² #пронауку: в Китае родились дети с искусственно измененной ДНК // РБК Style. 2018. URL: <https://style.rbc.ru/life/5bfceee69a79474432e823da> (дата обращения: 05.04.2025).

Федеральным законом от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»¹³, который в ст. 20 запрещает клонирование человека и использование эмбрионов в научных целях без соблюдения этических норм, однако прямого запрета на герминальное редактирование в законодательстве нет, что создает правовую неопределенность.

Другой группой вызовов выступают технологии искусственного продления жизни и крионика — практика замораживания тел или мозга с целью последующего воскрешения. Хотя крионика пока не имеет научного подтверждения своей эффективности, она уже порождает правовые коллизии, связанные со статусом замороженного индивида: является ли он умершим в юридическом смысле, сохраняются ли его имущественные права, может ли он быть наследником. Эти вопросы выходят за рамки гражданского права и затрагивают конституционное понимание права на жизнь и смерть. Нейротехнологии, включая имплантируемые нейроинтерфейсы, способные считывать, записывать и даже модулировать когнитивные процессы, ставят под угрозу целостность личности как конституционной категории. Кроме того, и право на когнитивную неприкосновенность становится необходимым дополнением к традиционному праву на неприкосновенность частной жизни, поскольку вмешательство в нейронные процессы может подорвать способность человека к свободному волеизъявлению — основу демократического конституционализма.

Репродуктивные технологии, включая преимплантационную генетическую диагностику (ПГД) и суррогатное материнство, также трансформируют конституционные представления о семье, родительстве и правах ребенка. Возможность отбора эмбрионов по генетическим признакам ведет к формированию феномена «дизайнерских детей», что ставит вопрос о границе между терапией и улучшением. Если отбор эмбриона для предотвращения тяжелого генетического заболевания может быть оправдан с точки зре-

ния права на здоровье, то выбор пола, цвета глаз или предрасположенности к определенным талантам выходит за рамки медицинской необходимости и затрагивает принцип равенства всех людей независимо от их биологических характеристик. Наконец, биобанки — массивные хранилища генетической информации, часто коммерческих организаций, таких как 23andMe или AncestryDNA, — создают риски массовой коммерциализации генома. Генетические данные, обладая высокой степенью идентификации и предсказуемости, становятся объектом рыночного оборота, что угрожает праву на генетическую конфиденциальность и свободу от генетической дискриминации. В России, несмотря на включение в Федеральный закон «О персональных данных»¹⁴ (ст. 11) особого режима для биометрических данных, генетическая информация не выделена в отдельную категорию, что снижает уровень ее защиты.

Все эти вызовы порождают глубокие правовые и этические дилеммы, лежащие в основе конфликта между свободой научного исследования и защитой человеческого достоинства. Статья 44 Конституции РФ гарантирует свободу научного творчества, но эта свобода не абсолютна и ограничивается правами и свободами других лиц, а также основами конституционного строя. Научная свобода не может оправдывать вмешательство в биологическую целостность человека, если такое вмешательство угрожает его достоинству как носителя неотчуждаемых прав. Особенно остро эта дилемма проявляется в контексте возможного появления «постчеловеческих» существ — генетически или когнитивно модифицированных индивидов, чей статус в правовой системе остается неопределенным. Возникает вопрос: обладают ли такие существа правосубъектностью? Если да, то в каком объеме? Ответ на этот вопрос требует переосмысления самого понятия правосубъектности, традиционно привязанного к естественной человеческой природе. Кроме того, биотехнологии несут в себе значительные риски усиления социально-

¹³ Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2011. № 48. Ст. 6724.

¹⁴ Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» // СЗ РФ. 2006. № 31 (ч. I). Ст. 3451.

го неравенства и формирования «биоэлиты» — слоя общества, имеющего доступ к технологиям генетического улучшения, продления жизни и когнитивного усиления. Это противоречит конституционному принципу равенства (ст. 19 Конституции РФ) и угрожает социальной сплоченности. Как отмечает американский философ М. Сэндел, биотехнологическое неравенство может стать самым глубоким и необратимым из всех видов неравенства, поскольку оно будет закреплено в самой биологии человека¹⁵.

Международный опыт правового регулирования демонстрирует отсутствие универсального подхода и глубокую фрагментацию нормативных моделей. Европейский Суд по правам человека, несмотря на отсутствие прямых норм о биотехнологиях в Европейской конвенции, выработал значительную практику через толкование ст. 8 (право на уважение частной и семейной жизни) и 3 (запрет пыток и бесчеловечного обращения). В деле *Evans v. the United Kingdom*¹⁶ (2007) Суд признал, что государство вправе регулировать статус эмбрионов, созданных *in vitro*, но при этом обязано обеспечивать баланс между правами партнеров. В то же время национальные конституции предлагают разные модели ограничений. Основной закон Германии¹⁷ (ст. 1 и 2) содержит прямой запрет на вмешательства, угрожающие человеческому достоинству, что было интерпретировано Федеральным конституционным судом как запрет на клонирование и герминальное редактирование. Во Франции биоэтические законы, основанные на конституционном принципе «неприкосновенности человеческого тела», также строго ограничивают репродуктивные и генетические

технологии. В Италии до 2009 г. действовал один из самых жестких законов в Европе¹⁸, запрещавший ПГД и донорство гамет, что было признано ЕСПЧ нарушением права на частную жизнь. Эта фрагментация свидетельствует о том, что биотехнологические вызовы не могут быть решены универсальными нормами, а требуют гибкого, но принципиального подхода, основанного на защите антропологического ядра конституционного порядка.

Трансформация ключевых конституционных ценностей под влиянием биотехнологий

Трансформация ключевых конституционных ценностей под влиянием биотехнологий представляет собой не просто расширение их содержания, а фундаментальную реконфигурацию их онтологических основ. Наиболее глубокие изменения претерпевает категория человеческого достоинства, закрепленная в ст. 21 Конституции РФ как абсолютная и не подлежащая умалению ценность. Традиционно достоинство понималось как «неприкосновенность личности» в ее социальном и моральном измерении — как защита от унижения, оскорбления, насилия. Однако в условиях, когда геном человека становится объектом технического вмешательства, эта категория требует онтологического уточнения: достоинство начинает включать в себя «неприкосновенность генома» как биологической основы индивидуальности. Эта трансформация находит отражение в международных документах: Овьедская конвенция (ст. 13) прямо запрещает вмешательства в геном человека, ко-

¹⁵ Sandel M. J. *The Case Against Perfection: Ethics in the Age of Genetic Engineering*. Cambridge : Harvard University Press, 2007. 176 p.

¹⁶ *Evans v. the United Kingdom*: постановление Европейского Суда по правам человека от 07.03.2007 (жалоба № 6339/05) // URL: [https://hudoc.echr.coe.int/fre#{%22itemid%22:\[%22001-80046%22\]}](https://hudoc.echr.coe.int/fre#{%22itemid%22:[%22001-80046%22]}) (дата обращения: 05.04.2025).

¹⁷ Основной Закон Федеративной Республики Германия (*Grundgesetz für die Bundesrepublik Deutschland*) от 23.05.1949 (с последующими изменениями) // URL: <https://handbookgermany.de/ru/basic-law> (дата обращения: 05.04.2025).

¹⁸ Legge 19 febbraio 2004, n. 40. Norme in materia di procreazione medicalmente assistita // *Gazzetta Ufficiale della Repubblica Italiana*. 2004. URL: <https://www.normattiva.it/uri-res/N2Ls?urn:nir:stato:legge:2004-02-19;40!vig> (дата обращения: 05.04.2025).

торые могут сделать изменения наследуемыми, мотивируя это необходимостью защиты человеческого достоинства и идентичности. В этой связи полагаем, что геном человека является носителем его конституционной сущности, и любое несанкционированное вмешательство в него есть посягательство на достоинство как на ядро правового статуса личности. Таким образом, человеческое достоинство перестает быть исключительно социальной категорией и приобретает биологическое измерение, выступая в качестве предела биотехнологического вмешательства — не потому, что наука не способна осуществить то или иное изменение, а потому, что такое изменение подрывает антропологическую основу конституционного порядка.

Право на жизнь, закрепленное в ст. 20 Конституции РФ, также подвергается радикальной переинтерпретации. Его биотехнологическая релевантность проявляется в двух полюсах: начале и конце жизни. Вопрос о начале жизни становится особенно острым в контексте вспомогательных репродуктивных технологий, когда эмбрион, созданный *in vitro*, существует вне тела женщины и может быть заморожен, использован для исследований или уничтожен. Эта позиция оставляет пространство для дальнейшего конституционного развития, особенно в свете возможностей клонирования и герминального редактирования, которые ставят под сомнение саму идею естественного зачатия как единственного источника жизни.

На другом полюсе — вопросы эвтаназии и искусственного продления жизни. Хотя в России активная эвтаназия запрещена (ст. 45 закона № 323-ФЗ), развитие паллиативной медицины и нейротехнологий, позволяющих поддерживать жизненные функции при полной утрате сознания, требует уточнения самого понятия «жизнь»: является ли она исключительно биологической функцией или включает в себя когнитивные и социальные компоненты? В этом контексте речь может идти о формировании новой конституционной категории — право на «генетическую неприкосновенность», которую можно определить как право индивида на защиту своей генетической информации от несанкционированного сбора, использования,

раскрытия и модификации. Это право вытекает из совокупности ст. 23 и 24 Конституции РФ и призвано обеспечить контроль человека над своей биологической идентичностью в условиях, когда генетические данные становятся объектом коммерческого и государственного оборота.

Личность и идентичность в эпоху биотехнологий также подвергаются глубокой трансформации. Традиционное понимание личности как носителя прав и свобод, основанное на психической и физической целостности, сталкивается с вызовами, порождаемыми возможностью генетического и когнитивного вмешательства. Право на генетическую идентичность — право знать (или не знать) о своей генетической предрасположенности, право на генетическую уникальность и недопущение ее искусственного конструирования — становится необходимым элементом конституционного статуса личности. Это право не закреплено в Овьедской конвенции. Но в практике ЕСПЧ Суд многократно подтверждал, что принудительное генетическое тестирование без согласия может нарушать ст. 8 ЕКПЧ (право на уважение частной жизни), если отсутствуют надлежащие гарантии.

Свобода от генетической дискриминации вытекает из принципа равенства (ст. 19 Конституции РФ) и предполагает запрет на ограничение прав на основании генетических характеристик — например, при трудоустройстве, страховании или доступе к образованию. Особенно остро эта проблема стоит в контексте нейротехнологий: имплантируемые нейроинтерфейсы, способные считывать и модулировать мыслительные процессы, угрожают когнитивной автономии — способности человека к свободному мышлению и принятию решений без внешнего вмешательства. При этом когнитивная автономия является предпосылкой всех других прав, поскольку без нее невозможна реализация свободы слова, совести или политических прав. В этой связи право на «когнитивную неприкосновенность» должно быть признано как неотъемлемый элемент права на неприкосновенность частной жизни, что требует законодательного закрепления и судебной защиты.

Наконец, биотехнологии ставят перед конституционным правом проблему прав будущих поколений — категории, прямо не упомянутой в тексте Конституции РФ, но выводимой из ее духа и структуры. Принцип межпоколенческой справедливости, фактически закрепленный в ст. 58 («каждый обязан сохранять природу и окружающую среду»), может быть расширен и на биологическую сферу: обязанность сохранять генофонд человечества в его естественном состоянии как общее наследие. Герминальное редактирование, вносящее наследуемые изменения в геном, нарушает этот принцип, поскольку будущие поколения не могут дать согласие на такие вмешательства и несут все риски, связанные с их последствиями.

Эта позиция находит поддержку в доктрине. Э. Вейс¹⁹, основоположник концепции межпоколенческой справедливости в международном праве, формулирует *intergenerational equity* как принцип, согласно которому каждое поколение является попечителем природного и культурного наследия для будущих поколений. И его содержание состоит в том, что конституционный порядок должен защищать не только существующих, но и потенциальных носителей прав, чьи интересы не могут быть представлены в текущем политическом процессе. Ограничения на герминальное редактирование, таким образом, не являются проявлением антинаучной позиции, а вытекают из конституционного обязательства перед будущими поколениями — обязательства сохранить их право на естественную, не сконструированную биологическую основу. В совокупности эти трансформации демонстрируют, что биотехнологии не просто дополняют существующие конституционные категории, а требуют их глубокой реконструкции, направленной на защиту антропологического ядра правопорядка в условиях, когда сама природа человека становится объектом технического конструирования.

Биоконституционализм: теоретическая модель и перспективы институционализации

Биоконституционализм как концептуальная модель представляет собой специализированную форму адаптивного конституционализма, ориентированную не на общую гибкость правопорядка, а на защиту антропологической целостности человека в условиях биотехнологических трансформаций. В отличие от традиционных подходов, где биоэтика и право существуют как параллельные дисциплины, биоконституционализм предполагает их глубокий синтез: конституционные нормы становятся носителями биоэтических принципов, а биоэтика — инструментом конституционного толкования. Эта модель не сводится к этическому регулированию науки, а формирует правовую парадигму, в которой биологическая основа человека признается конституционно защищенной сферой, недоступной для неограниченного технического вмешательства. При этом биоконституционализм не выступает запретом на инновации, а устанавливает конституционные границы, за которыми начинается дегуманизация. Его ключевые признаки включают: приоритет защиты человеческого достоинства как предела научной свободы; признание генома и когнитивных функций как составляющих конституционной сущности личности; обязательный учет интересов будущих поколений; а также принцип недопустимости наследуемых изменений в геноме без широкого общественного и международного консенсуса. В этой модели биоэтика перестает быть внешней по отношению к праву и становится его внутренним измерением, что позволяет избежать как технологического детерминизма, так и морализаторского запретительства.

Институциональная реализация биоконституционализма требует создания многоуровневой системы, в которой центральную роль играют конституционные (верховные) суды. Именно судебная власть, обладая монополией на окончательное толкование конституции, способна

¹⁹ Weiss E. B. In Fairness to Future Generations: International Law, Common Patrimony, and Intergenerational Equity. Tokyo; New York : United Nations University Press, 1989. 385 p.

вырабатывать «биоконституционные» стандарты, адаптируя общие нормы к конкретным биотехнологическим вызовам. Примером может служить позиция Конституционного Суда РФ в постановлении от 11.02.2025, где Суд, признавая право детей, зачатых после смерти родителя с использованием вспомогательных репродуктивных технологий, на пенсию по потере кормильца, фактически легитимизировал новые формы родства, выведенные из конституционного права на семью (ст. 38). Такой подход демонстрирует, как судебная практика может опережать законодательство, формируя правовые рамки для биотехнологий.

Однако одного судебного толкования недостаточно. Необходимо создание специализированных этических и правовых комитетов при законодательных органах — аналогов Национального консультативного комитета по этике во Франции или Немецкого этического совета, — которые бы осуществляли предварительную оценку биотехнологических инициатив с точки зрения их соответствия конституционным ценностям. Эти комитеты должны включать не только юристов и ученых, но и представителей гражданского общества, что обеспечит демократическую легитимность принимаемых решений. Ключевым механизмом институционализации биоконституционализма является интеграция биоэтических принципов — таких как автономия, недопущение вреда, справедливость и уважение к человеческому достоинству — в методологию конституционного толкования. Это означает, что при интерпретации норм о праве на жизнь, неприкосновенности личности или свободе науки суды должны учитывать не только формально-юридические, но и антропологические последствия своих решений.

Практическая значимость биоконституционализма для российской конституционной системы проявляется в необходимости системного переосмысления ряда статей Конституции РФ. Статья 21, провозглашающая неприкосновенность достоинства, должна быть интерпретирована как запрет на любые вмешательства, подрывающие биологическую целостность человека, включая герминальное редактирование. Статья 22, гарантирующая право на свободу и

личную неприкосновенность, требует расширения содержания до права на «когнитивную неприкосновенность» в условиях развития нейротехнологий. Статья 23, защищающая частную жизнь, должна включать в себя право на генетическую конфиденциальность и свободу от генетической дискриминации. Наконец, статья 38, закрепляющая право на семью и материнство, нуждается в адаптации к новым репродуктивным реалиям, включая регулирование суррогатного материнства и статуса эмбрионов. Для обеспечения системного подхода к этим вызовам необходима разработка федерального закона «О биобезопасности и биоэтике», который бы установил единые принципы регулирования биотехнологий, определил запреты (в частности, на герминальное редактирование и клонирование человека), а также создал институты мониторинга и контроля. Такой закон мог бы стать российским аналогом биоэтических кодексов, действующих во Франции и Испании. В перспективе возможно включение биоконституциональных норм непосредственно в текст Конституции РФ — например, в виде положения о «неприкосновенности генома человека» или «праве будущих поколений на естественную биологическую основу». Это обеспечило бы высший уровень защиты от потенциальных законодательных инициатив, направленных на легализацию рискованных биотехнологий.

На глобальном уровне биоконституционализм обладает значительным потенциалом формирования международных стандартов, способных преодолеть существующую фрагментацию национальных моделей. Несмотря на отсутствие универсального договора по биотехнологиям, Овьедская конвенция о правах человека и биомедицине (1997) уже заложила основы такого регулирования, установив запрет на наследуемые генетические вмешательства и признав геном человека «наследием человечества». Расширение круга государств — участников этой конвенции, включая Россию, могло бы стать первым шагом к созданию глобального биоконституционного режима. Более того, в условиях антропоценовой эпохи, когда человеческая деятельность становится геологической силой, формируется потребность в «конституции челове-

ства» — системе норм, защищающих не только права отдельных индивидов, но и антропологическую и экологическую устойчивость вида *Homo sapiens*. Биоконституционализм, таким образом, выступает не как узкоспециализированная доктрина, а как необходимый элемент глобального конституционного порядка, призванного обеспечить устойчивость человеческой цивилизации в эпоху, когда сама природа человека становится объектом технологического конструирования.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что биоконституционализм представляет собой не спорадическую реакцию на отдельные биотехнологические инновации, а необходимую и закономерную форму эволюции конституционного порядка в условиях глубокой трансформации антропологических основ правопорядка. Его появление обусловлено фундаментальным сдвигом: если традиционный конституционализм защищал человека в его социальном и политическом измерении, то биоконституционализм ориентирован на защиту человека в его биологической и когнитивной целостности. В условиях, когда технологии генного редактирования, нейроинтерфейсы и репродуктивные инновации ставят под вопрос саму природу человеческого существования, конституционное право не может ограничиваться пассивной защитой уже существующих прав. Оно должно активно формировать правовые рамки, способные предотвратить дегуманизацию и сохранить антропоцентрическую основу конституционализма. Именно эту функцию и выполняет биоконституционализм: он не отвергает научный прогресс, но устанавливает его пределы, исходя из принципа недопустимости технического конструирования человеческой природы как таковой. В этом смысле биоконституционализм выступает как антитезис трансгуманистической утопии, в которой человек рассматривается как объект для улучшения и оптимизации, а не как носитель неотчуждаемого достоинства.

Теоретическая значимость данного исследования заключается в систематизации и концептуализации биоконституционализма как самостоятельного подвида адаптивного конституционализма. До настоящего времени в российской и мировой юридической науке отсутствовала целостная теория, способная объединить разрозненные подходы к регулированию биотехнологий в единую конституционно-правовую парадигму. Предложенная модель устраняет этот пробел, разрабатывая такую категорию, как биоконституционализм и определяя ее ключевые признаки: ориентацию на защиту антропологической целостности, синтез конституционного права и биоэтики, а также приоритет интересов будущих поколений. Именно в рамках биоконституционализма этика становится внутренним измерением права, а судебное толкование — инструментом реализации биоэтических принципов.

Практическая значимость исследования проявляется в предложении конкретных инструментов для правового регулирования биотехнологий. К ним относятся: разработка федерального закона «О биобезопасности и биоэтике», создание специализированных этико-правовых комитетов при законодательных органах, а также интеграция биоконституциональных стандартов в практику Конституционного Суда РФ. Эти меры позволят не только устранить существующие правовые пробелы, но и сформировать устойчивую конституционную модель будущего, способную противостоять вызовам биотехнологической революции без ущерба для демократических ценностей и прав человека.

Направления дальнейших исследований в данной области чрезвычайно многообразны и требуют междисциплинарного подхода. Во-первых, необходимо провести детальную разработку биоконституционных стандартов для конкретных технологий. Например, применительно к CRISPR-Cas9 требуется четкое разграничение между соматическим и герминальным редактированием с точки зрения конституционных последствий; в сфере искусственного интеллекта в медицине — определение пределов автономии алгоритмов при принятии диагностических и терапевтических решений; в контексте нейро-

интерфейсов — формализация права на «когнитивную неприкосновенность» как элемента конституционного статуса личности. Во-вторых, перспективным направлением является сравнительно-правовой анализ национальных моделей биоконституционализма. Сравнение подходов Германии, Франции, США и Китая позволит выявить универсальные принципы и специфические особенности, что особенно важно для выработки российской позиции в международных дискуссиях по биобезопасности. В-третьих, необходимо исследовать взаимодействие биоконституционализма с другими формами адаптивного конституционализма — в частности, с экоконституционализмом и цифровым конституционализмом. Эти три направле-

ния — био-, эко- и цифровое — формируют триединую угрозу антропологической устойчивости: биотехнологии изменяют внутреннюю природу человека, цифровые технологии — его когнитивные и социальные связи, а экологический кризис — внешние условия существования. Их синтез в рамках единой теории адаптивного конституционализма позволит создать целостную модель защиты человека в антропоценовую эпоху. Таким образом, биоконституционализм не является завершенной доктриной, а представляет собой открытую исследовательскую программу, направленную на обеспечение устойчивости конституционного порядка в условиях радикальных трансформаций человеческой природы.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Кравец И. А.* Бионейроконституционализм и достоинство: теоретические основания, диалог этико-правовых требований и перспективы взаимодействия (ч. II) // Журнал российского права. — 2022. — Т. 26. — № 6. — С. 5–31.
2. *Кравец И. А.* Конституционная биоюриспруденция и достижение биоэтического благополучия (ч. 1) // Сравнительное конституционное обозрение. — 2022. — № 2 (147). — С. 16–42.
3. *Крылатова И. Ю.* Природа права на биоэтическое достоинство личности и его синтез в конструкции прав человека // Вестник Гуманитарного университета. — 2024. — Т. 12. — № 1. — С. 113–119.
4. *Поярков С. Ю.* Адаптивный конституционализм: концептуальные основания и институциональные механизмы в условиях политико-правовой турбулентности // Административное и муниципальное право. — 2025. — № 3. — С. 67–85.
5. *Cohen J.* Embattled Russian scientist sharpens plans to create gene-edited babies // Science. — 2023. — URL: <https://www.science.org/content/article/embattled-russian-scientist-sharpens-plans-create-gene-edited-babies> (дата обращения: 05.04.2025).
6. *Jasanoff S.* (ed.). Reframing Rights: Bioconstitutionalism in the Genetic Age. — Cambridge : MIT Press, 2011. — 320 p.
7. *Sandel M. J.* The Case Against Perfection: Ethics in the Age of Genetic Engineering. — Cambridge : Harvard University Press, 2007. — 176 p.
8. *Strauss D. A.* The Living Constitution // The University of Chicago Law School. — 2010. — URL: <https://www.law.uchicago.edu/news/living-constitution> (дата обращения: 05.04.2025).
9. *Weiss E. B.* In Fairness to Future Generations: International Law, Common Patrimony, and Intergenerational Equity. — Tokyo; New York : United Nations University Press, 1989. — 385 p.

Материал поступил в редакцию 6 октября 2025 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Kravets I. A. Bioneyrokonstitutsionalizm i dostoinstvo: teoreticheskie osnovaniya, dialog etiko-pravovykh trebovaniy i perspektivy vzaimodeystviya (ch. II) // Zhurnal rossiyskogo prava. — 2022. — T. 26. — № 6. — S. 5–31.
2. Kravets I. A. Konstitutsionnaya bioyurisprudentsiya i dostizhenie bioeticheskogo blagopoluchiya (ch. 1) // Sravnitelnoe konstitutsionnoe obozrenie. — 2022. — № 2 (147). — S. 16–42.
3. Krylatova I. Yu. Priroda prava na bioeticheskoe dostoinstvo lichnosti i ego sintez v konstruktsii prav cheloveka // Vestnik Gumanitarnogo universiteta. — 2024. — T. 12. — № 1. — S. 113–119.
4. Poyarkov S. Yu. Adaptivnyy konstitutsionalizm: kontseptualnye osnovaniya i institutsionalnye mekhanizmy v usloviyakh politiko-pravovoy turbulentnosti // Administrativnoe i munitsipalnoe pravo. — 2025. — № 3. — S. 67–85.
5. Cohen J. Embattled Russian scientist sharpens plans to create gene-edited babies // Science. — 2023. — URL: <https://www.science.org/content/article/embattled-russian-scientist-sharpens-plans-create-gene-edited-babies> (data obrashcheniya: 05.04.2025).
6. Jasanoff S. (ed.). Reframing Rights: Bioconstitutionalism in the Genetic Age. — Cambridge: MIT Press, 2011. — 320 p.
7. Sandel M. J. The Case Against Perfection: Ethics in the Age of Genetic Engineering. — Cambridge: Harvard University Press, 2007. — 176 p.
8. Strauss D. A. The Living Constitution // The University of Chicago Law School. — 2010. — URL: <https://www.law.uchicago.edu/news/living-constitution> (data obrashcheniya: 05.04.2025).
9. Weiss E. B. In Fairness to Future Generations: International Law, Common Patrimony, and Intergenerational Equity. — Tokyo; New York: United Nations University Press, 1989. — 385 p.